

А.В. Яганов, Е.И. Рузаева

Соловьев К.А. История и архитектура Успенского кафедрального собора г. Дмитрова: проблема датировки строительства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 115–126. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-115-126

Статья К.А. Соловьева, опубликованная в журнале «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» (№ 1. 2020 г.), заявлена как историко-архитектурное исследование. Учитывая, что к данной теме неоднократно проявляли интерес специалисты по древнерусской архитектуре и живописи, от этой работы следовало ожидать каких-то новых данных, корректирующих вопросы времени создания памятника, или оригинальной трактовки строительной истории на основании ранее неизвестных письменных источников или архитектурно-археологических данных.

Дмитровский Успенский собор — памятник уникальный во многих смыслах. Это образец каменного строительства начала XVI в., возведенный при участии итальянского зодчего, работавшего по заказам великого князя Василия III и создавшего в столице удельного княжества Юрия Ивановича Дмитровского храм с редкой объемно-пространственной композицией и ренессансным фасадным декором. Исследователи всегда подчеркивали важность этого памятника, сопоставляя его с главными постройками Московской Руси — кремлевскими соборами, обращались к находившимся в нем памятникам, таким как керамические фасадные композиции и иконостас, в основе современной постройке собора [Аренкова, 1967. С. 224–231; Воронец, Воронов, 1916. С. 87–97; Попов, 2007; Рындина, 1970. С. 461–472; Сорочатый, 1984. С. 243–252]. Недавние комплексные исследования позволили проследить историю здания и церковной территории вплоть до середины XII в. Казалось бы, уже сформировался принципиальный подход к «темному» периоду существования дмитровского храма, но, судя по преамбуле к статье К.А. Соловьева, она ставит новые — или, скорее, хорошо забытые старые — проблемы.

При первом рассмотрении становится ясным, что никакой новизны в работе К.А. Соловьева нет: в ней повторяются ранее бытовавшие версии, большинством из которых давно не оперирует даже популярно-краеведческая литература, другие же определенно беспочвенны из-за отсутствия подтверждающих их натуральных и письменных данных. Противоречия заметны уже при знакомстве с аннотацией статьи. По замыслу автора, целью его рабо-

ты является «соотнесение теории возможного существования на территории Дмитровского кремля¹ домонгольского белокаменного собора с материалами современных исследований по данному вопросу». Но, представляя свои методы, он почему-то больше упоминает не гипотетическое здание XII–XIII вв., а церковь, возведенную в XVI в.

В описании результатов проведенного автором исследования вновь возникает «проблематика строительства в Дмитровском кремле белокаменного храма», возможность существования которого якобы косвенно подтверждают археологические исследования, — хотя при обзоре вопросов, связанных с историей здания, говорится только «об итальянских влияниях в его архитектуре». После чего К.А. Соловьев, обращаясь к предмету рассмотрения, делает вывод «о предположительном времени возведения домонгольского белокаменного храма не ранее 1212 г., в правление Великого князя Владимирского, Киевского и Всея Руси Всеволода III» [Соловьев, 2020. С. 115].

Заинтригованные таким странным смешением исторических эпох, мы не преминули углубиться в чтение труда К.А. Соловьева и излагаем замечания по порядку. Начнем с письменных источников, которым автор уделяет если не главное, то, по крайней мере, не последнее внимание. При проверке лишь только одну ссылку можно признать корректной — на духовную грамоту угличского князя Дмитрия Ивановича 1521 г., где впервые упоминается его вклад в дмитровскую соборную церковь [ДДГ, 1950. № 99. С. 409]. Приводимые в статье цитаты из летописей или не соответствуют действительности, не находятся на указанных страницах, или приведены в искаженном виде по другим изданиям².

Небрежность автора граничит с фальсификацией. Это относится к «Запискам о Московии» С. Герберштейна, где приведен лишь общий обзор географического положения Дмитрова, которое «представляет большие выгоды купцам, которые без большого труда ввозят товары из Каспийского моря по Волге в различные страны и даже в самую Москву» [Герберштейн, 1866. С. 118]. Но К.А. Соловьев предлагает свой вариант прочтения этого отрывка — С. Герберштейн якобы был «поражен „великими богатствами“ Дмитровских купцов Коршуновых, Толчёновых, Сычёвых, Клятовых...» [Соловьев, 2020. С. 122]. Причем для издания 1866 г. автор привел страницы цитируемого текста в диапазоне от 180 до 222, где ни слова о Дмитрове нет.

Несмотря на имеющуюся обширную библиографию памятника, автор демонстрирует избирательный подход к литературе. Основу составляют по большей части работы, косвенно относящиеся к истории и архитектуре Успенского

- 1 «Дмитровский кремль» — позднее (не ранее 1930-х гг.) название территории городища средневекового Дмитрова [Милонов, 1937. С. 147–168].
- 2 В цитируемой автором Типографской летописи на указанных страницах [ПСРЛ. Т. 24. С. 108–113] читается Житие Михаила Тверского, в публикациях Первой Софийской летописи [ПСРЛ. Т. 6, вып. 1] страница 647 отсутствует, упоминания же об основании Дмитрова в Новгородской Карамзинской [ПСРЛ. Т. 42. С. 102] и Новгородской Четвертой летописях [ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 153] не содержит сведений о «церкви Дмитрия Солунского».

собора, краеведческие издания, публикации в популярных журналах. К тому же К.А. Соловьев весьма оригинален и в ее использовании.

Более всего досталось авторским текстам, особенно связанным с археологическими вопросами. В попытке подтвердить существование «домонгольского белокаменного храма» результатами раскопок Дмитровского городища 2001–2002 гг. К.А. Соловьев приводит цитаты из статьи А.В. Энговатовой [Энговатова, 2005. С.148–158], которые в ней отсутствуют. Удивляет и ссылка на работу Л.А. Беляева и И.И. Елкиной, где никаких упоминаний о Дмитрове мы вовсе не нашли [Беляев, Елкина, 2016. С.131–149]. Впрочем, и почти все другие извлечения из различных научных публикаций перефразированы в угоду автору, не соответствуют действительным текстам или снабжены неточными либо придуманными ссылками. Например, мнение В.М. Сорокатого о датировке Деисусного чина Успенского собора началом XV в. приводится не по оригинальному тексту, а в переложении И.В. Пятилетовой [Пятилетова, 2017]; а пассаж О.М. Иоаннисяна о находках «плинфы» на Дмитровском городище — со ссылкой на статью С.П. Хохловой [Хохлова, 2009. С.137–158], где, впрочем, подобного чтения вообще нет.

Странна отсылка автора к истории спасения иконостаса Успенского собора в 1930-х гг., связанной с его предком К.А. Соловьевым и директором Дмитровского музея В.В. Мининым [Соловьев, 2020. С.120]. Возможно, эти факты представляют интерес для исследований по новейшей истории или генеалогии, но никак не соответствуют тематике, заявленной в заголовке статьи, и выглядят здесь не вполне уместно.

Из-за отсутствия структуры статьи и логики повествования текст воспринимается очень тяжело. Фактически он распадается на отдельные незаконченные блоки, не связанные между собой, поэтому переходы от одного сюжета к другому иногда совершенно непредсказуемы, из-за чего мы подвергнем разбору лишь некоторые тезисы исследования К.А. Соловьева.

1. Ясность в вопрос о постройке Дмитрова и о первом его храме была внесена еще М.Н. Тихомировым. Отмечая, что свидетельств об основании города в домонгольских сводах нет, он характеризовал заметки летописей XVI в. как позднейшее припоминание и предполагал, что они объединяли два близких по времени события [Тихомиров, 1925. С.5–6].

В этих летописцах наиболее ранние повествования о Дмитрове содержатся в двух видах — кратком: «В лето 6662 заложи князь Юрьи град Дмитров на реце Яхроме» [ПСРЛ. Т.15. С.21] и пространном, объединяющем основание города и рождение Всеволода [ПСРЛ. Т.7. С.60; ПСРЛ. Т.15. С.221]³. Упоминание

³ В домонгольском Летописце Переяславля Суздальского имеется близкое по структуре свидетельство, отмеченное под 1189/1190 г., которое, возможно, послужило образцом для конструирования летописной заметки о Дмитрове: «В лето 6698... Того же лета родися у великого князя у Всеволода сын в граде Переяславли месяца февраля в 8 день, на память святого пророка Захарии, и нарекоша и в святем крещении Феодор, тогда сущу великому князю в Переяславли в полюдьи» [ПСРЛ. Т.41. С.120].

летописи о постройке церкви под 1154 г. фиксируется единожды, его можно трактовать как логическую вставку, не нарушающую общее построение заметки⁴. Других известий об этом не находится, поэтому гипотезы, строящиеся на противоречиях терминов «заложил» — «срубил», которые, по мнению автора, могут указывать на существование каменных стен (sic!) дмитровской крепости, лишены исторической основы.

Политический, а следом и исторический интерес к городу Дмитрову начинает проявляться не ранее рубежа XIV–XV вв., когда он из земель Великого княжества переходит в распоряжение князей московского дома и на долгое время становится предметом внутрисемейных споров, перераставших в серьезные конфликты. Чтобы обосновать значение этой ранее малоизвестной крепости, сводчики летописей предпринимали довольно неуклюжие попытки связать основание города с именем родоначальника, в числе прочих, и ветви Ивана Калиты — великого князя Всеволода III, тем самым желая возвысить его статус среди других московских удельных центров. В подтверждение этого заметим, что с 1388 по 1504 г. Дмитров четырежды становился центром княжества, из них два раза выделялся во владение второму сыну великого князя.

2. Возможность существования в Дмитрове белокаменного или плинфяного храма второй половины XII — начала XIII в. или начала XV в. предполагали многие исследователи, как второй половины XIX в., так и наши современники. Это началось со времен архимандрита Леонида (Кавелина) [Леонид, архим. 1878. С.17–18], продолжено описателем местных древностей Н.И. Быловым [Былов, 1905. С.6] и, наконец, получило научное обоснование в студенческой работе М.А. Ильина, которая, как ни странно, популярна и востребована до сих пор [Ильин, 1928. С.8–10]. Но проведенное при реставрации 2000–2003 гг. натурное изучение существующего здания Успенского собора начала XVI в. убедительно доказало отсутствие в его составе разновременных частей, поэтому новую постановку вопроса о воображаемых каменных церквях Всеволода III или князя Петра Дмитриевича считаем беспочвенной и в некоторой степени спекулятивной [Яганов, Рузаева, 2003. С.31–33]⁵.

Результаты археологических раскопок, проведенных в 2001–2008 гг., не выявили следов каменной стройки с начала отложения культурного слоя во второй половине XII в. вплоть до времени возведения Успенского собора в начале XVI в., поэтому говорить о том, «что археологические исследования косвенно подтверждают возможность существования на территории Кремля более древнего белокаменного храма» [Соловьев, 2020. С.115], не приходится.

⁴ «В лето 6662. Родися Юрью сын Дмитрей, а он в тоу пороу был с княгинею на реце на Яхроме в полюдии и заложи церковь и град в имя сына своего Дмитров, сына же нарече Всеволодом» [ПСРЛ. Т.39. С.60].

⁵ Ранее на одновременность возведения нижней и верхней частей собора XVI в. было указано Б.Л. Альтшуллером в докладе, прочитанном на заседании Сектора древнерусского искусства Института истории искусств 27 февраля 1968 г. [Полов, 1972. С.200. Примеч.17].

3. Из затрагиваемых автором частных вопросов следует остановиться на функциональном назначении нижних ярусов Успенского собора. Автор считает, что собственно подклетный этаж использовался под хозяйственные нужды, а в подвале планировалась усыпальница. Он солидарен с мнением С.П. Хохловой, считавшей, «что нижний белокаменный ярус изначально двухэтажного подклета дмитровского собора был задуман как усыпальница предполагаемой новой династии князя Юрия Ивановича» [Хохлова, 2009. С. 151]. Продолжая эту тему, К.А. Соловьев указывает, что «в большинстве подобных усыпальниц существовали престолы так называемых подклетных церквей» [Соловьев, 2020. С. 124]. При этом он приводит один из «аналогов», упоминаемый С.П. Хохловой, — Зачатьевский собор Высоцкого монастыря в Серпухове.

Здесь придется разбирать каждую изложенную позицию. Во-первых, планировка нижних ярусов Успенского собора никак не подразумевает наличия усыпальницы, так как они состояли из четырех палат, имевших отдельные входы. Подобное решение не уникально. Например, в соборах Перемышля и Одоева, построенных князьями Воротынскими во второй половине XVI в., подклеты были разделены на три-четыре автономных помещения соответственно, предназначались для безопасного хранения имущества ктиторов, сдавались внаем и даже были предметом вклада или дарения. Вообще, внутри двух-трехъярусных храмов XVI в. усыпальницы, как правило, не устраивались [Яганов, 2021. С. 272].

Исключение составляют церкви двух крупнейших женских монастырей — Покровского в Суздале и московского Новодевичьего, где подклет изначально использовался для погребений, что, вероятно, было связано со специфической особенностью таких обителей. Ктиторские захоронения в храмах XVI в., даже имеющих подвалы, обычно находились вне здания, иногда в палатке, расположенной у его стены⁶. Из примеров, приводимых С.П. Хохловой [Хохлова, 2009. С. 151], подклет Успенской церкви в Крутицком подворье изначально не был усыпальницей, но при перестройках архиерейского дома туда были вынужденно перемещены погребения крутицких владык, находившиеся вблизи церкви. Под Спасо-Преображенским собором Спасского монастыря в Ярославле 1515 г. никогда не было «крипты», а мощи ярославских чудотворцев, обретенные в храме начала XIII в., не покидали его даже после нескольких капитальных перестроек.

Во-вторых, утверждение К.А. Соловьева о «подклетных церквях»-усыпальницах, где существовали престолы, также требует комментария. В средневековых письменных источниках название «подклетный» применялось к селам, принадлежавшим великокняжескому или царскому дворцу (дворцовые села), использование же его по отношению к церковным зданиям

6 Например, Серапионова палатка в Троице-Сергиевом монастыре, могилы И.Ю. Шигоны-Поджегина и его жены при Успенской церкви Иванишского монастыря, палатка у южной стены Спасо-Преображенской церкви Спасо-Воротынского монастыря [Беляев, 1995. С. 68].

нам неизвестно. Возможно, изобретая этот «термин», автор считает, что им определяется композиционная схема, где в одной постройке комбинируются теплый (нижний) и холодный (верхний) храмы. Она получила распространение во второй половине XVII в. и была популярна, в частности, на Русском Севере. Для более древних (до XVII в.) зданий мы знаем лишь примеры позднейшего (в XVIII–XIX вв.) приспособления их нижних этажей под храмы⁷.

В-третьих, вызывает недоумение трактовка К.А. Соловьевым и С.П. Хохловой выдвигаемого ими курьезного тезиса о «предполагаемой новой династии князя Юрия Ивановича» [Соловьев, 2020. С. 124]. Как известно, смыслом сложной многолетней политики, проводимой дмитровским князем, было достижение великокняжеского престола, что при бездетном старшем брате было вполне реальным. В случае положительного решения этого вопроса Юрий Дмитриевский вряд ли планировал возвращаться в Дмитров, и тем более не думал переносить сюда из Москвы столицу великого княжества, а следовательно, для теоретической «новой династии» не было нужды в «родовой усыпальнице» под Успенским собором.

Некрополь в московском Архангельском соборе вмещал погребения почти всех представителей рода Ивана Калиты, в том числе опальных, среди которых впоследствии оказался и сам князь Юрий. Исключение составляли один из сыновей Владимира Андреевича Серпуховского, князь Константин Дмитриевич Угличский и дети Бориса Васильевича Волоцкого, погребенные соответственно в Троицком, Симонове и Иосифове монастырях⁸.

Внимательно прочитав статью, мы не увидели самого главного, в чем заключается смысл работы К.А. Соловьева, — какого-либо последовательного доказательства факта существования на Дмитровском городище белокаменного храма, построенного «не ранее 1212 г., в правление Великого князя Владимирского, Киевского и Всея Руси Всеволода III» [Соловьев, 2020. С. 115]. Создается впечатление, что автор перепутал аннотации к разным своим работам и та, с которой мы ознакомились, посвящена памятнику другой эпохи — каменному Успенскому собору, возведенному, по мнению К.А. Соловьева, «не ранее 1507 и не позднее 1515 гг.» на средства дмитровского князя Юрия Ивановича «и близких ему людей: городского дворянина Михайлы Елизарова, боярина Ивана Полянинова, боярина Михайлы Гусева-Добринского и боярина Воронцова» [Там же. С. 120]. В каких письменных источниках имеются указания на причастность этих лиц к постройке собора, автор, конечно же, не сообщает.

Но совершенно ставит нас в тупик неожиданный главный вывод автора, считающего, что «логично предположить, что либо существующий Успенский собор Дмитровского кремля возведен над подклетом, в котором могло планироваться создание усыпальницы княжеского рода и должен был быть

7 Что, кстати, произошло с подклетом Успенского собора, где в 1714 г. одна из пустующих палат была приспособлена для размещения теплой церкви Димитрия Солунского.

8 В разных монастырях похоронены наследники опальных князей — Василия Ярославича Боровского и Андрея Васильевича Угличского.

освящён престол, либо собор мог быть возведён на подклетах более раннего храмового сооружения» [Там же. С. 125]. Про «домонгольский белокаменный собор», заявленный в аннотации как основная тема статьи, не сказано ни слова.

Как видим, в последнее время все чаще и чаще приходится наблюдать примеры возвращения к давно показавшим свою несостоятельность идеям, которые в том числе имели место в истории изучения дмитровского Успенского собора. Не имея опоры на достаточно скудную источниковедческую базу, игнорируя или будучи незнакомыми с результатами проведенных на памятнике натурных исследований, авторы укрепляют свои положения лишь ссылками на некогда опубликованные нашими предшественниками гипотезы, не прошедшие проверку временем и опровергнутые в процессе накопления фактических знаний о русском средневековом зодчестве. Попытки их «реанимации» могли бы показаться курьезными, но эта сомнительная практика, к сожалению, показательна для нынешнего состояния науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Аренкова Ю.И. О происхождении изразцовых рельефов Успенского собора в г. Дмитрове // Советская археология. 1967. № 2. С. 224–231.
- Беляев Л.А. Спасский «на Усть-Угры» монастырь в XVI веке (Археология, история, архитектура) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М.: Мейкер, 1995. Вып. 2. С. 55–72.
- Беляев Л.А., Елкина И.И. «Усыпальница Романовых» в Знаменской церкви Новоспасского монастыря: работы 2014 г. // КСИА. М.: ИА РАН, 2016. Вып. 245. Ч. II. С. 131–149.
- Былов Н. Дмитровский Борисоглебский монастырь. Исторический очерк. М.: Типолитография И. Ефимова, 1905. 44 с.
- Воронец М., Воронов В. Изразцовые Распятия Успенского собора в Дмитрове // Сб. ст. в честь графики П.С. Уваровой. М.: Тов-во скоропечатни А.Л. Левенсон, 1916. С. 87–97.
- Герберштейн С. Записки о Московии. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1866. 229 с. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.
- Ильин М.А. Успенский собор в Дмитрове // Материалы по истории русского искусства. Искусство XVI века. М.: Изд-во 1-го МГУ, 1928. Вып. 1. С. 8–10.
- Леонид, архимандрит. Исторический очерк города Дмитрова в связи с историей его соборного храма и монастырей его области до XVIII столетия // ЧОЛДП. М., 1878. Кн. 4. С. 17–29.
- Милонов Н.П. Дмитровское городище (Кремль города Дмитрова) // Советская археология. М.; Л., 1937. № 4. С. 147–168.
- Подъяпольский С.С. Итальянские строительные мастера в России в конце XV — начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М.: ВНИИТАГ, 1991. Вып. 1. С. 218–233.
- Попов Г.В. Из истории древнейшего памятника города Дмитрова // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 198–216.
- Попов Г.В. Московские художники в Дмитровском княжестве. Конец XIV — первая треть XVI века. М.: Северный паломник, 2007. 237 с.

- ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.
- ПСРЛ. Т. 6: Софийские летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. 358 с.
- ПСРЛ. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
- ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 360 с.
- ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
- ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 282 с.
- ПСРЛ. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского. М.: Наука, 1994. 208 с.
- ПСРЛ. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археографический центр, 1995. 184 с.
- ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.
- Пятилетова И.В. Дмитровский Успенский кафедральный собор: история и святыни. Дмитров: Успенский кафедральный собор, 2017. 647 с.
- Рындина А.В. Историко-художественное значение изразцов Успенского собора в Дмитрове // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV–XVI вв. М.: Наука, 1970. С. 461–472.
- Соловьев К.А. История и архитектура Успенского кафедрального собора г. Дмитрова: проблема датировки строительства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 115–126.
- Сорокатый В.М. Деисусный чин начала XV в. из Успенского собора в Дмитрове // Древнерусское искусство. XIV–XV вв. М.: Наука, 1984. С. 243–252.
- Тихомиров М.Н. Город Дмитров от основания города до половины XIX века. [Труды Музея Дмитровского края. Вып. II]. Дмитров: Изд. Дмитровского отделения Союза работников просвещения, 1925. 81 с.
- Хохлова С.П. Успенский собор города Дмитрова (к вопросу об итальянских влияниях в древнерусской архитектуре первой трети XVI века) // Архитектурное наследство. 2009. № 50. С. 137–158.
- Энговатова А.В. Средневековые городские некрополи на территории Дмитровского кремля // КСИА. М.: ИА РАН, 2005. Вып. 219. С. 148–158.
- Яганов А.В., Рузаева Е.И. Успенский собор в Дмитрове. М.: Северный паломник, 2003. 301 с.
- Яганов А.В. О периодизации пространственно-планировочной структуры собора Чудова монастыря 1501–1503 годов // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2021. Вып. 17. С. 263–273.

REFERENCES

- Arenkova Iu.I. About the origin of the tiled reliefs of the Assumption Cathedral in the city of Dmitrov. *Sovetskaia arkheologija (Soviet Archaeology)*, 1967, no. 2, pp. 224–231 (in Russian).
- Beliaev L.A. Spassky “on Ust-Ugra” monastery in the 16th century (archeology, history, architecture). *Restavratsiia i arkhitekturnaia arkheologija. Novye materialy i issledovaniia (Restoration and architectural archaeology. New materials and research)*. Moscow, Meiker Publ., 1995, vol. 2, pp. 55–72 (in Russian).
- Beliaev L.A., Elkina I.I. “Tomb of the Romanovs” in the Znamenskaya Church of the Novospassky Monastery: research of 2014. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief*

reports of the Institute of Archaeology). Moscow, Instituta arkheologii Publ., 2016, vol. 245, part 2, pp. 131–149 (in Russian).

Bylov N. *Dmitrovskii Borisoglebskii monastyr'. Istoricheskii ocherk (Dmitrovsky Borisoglebsky Monastery. Historical essay)*. Moscow, Tipolitografiya Efimova Publ., 1905. 44 p. (in Russian).

Cherepnin L.V., Bakhrushin S.V. (eds.). *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vekov (Wills and contracts of the great and appanage princes of the 14th–16th centuries)*. Moscow, Leningrad, Akademii nauk USSR Publ., 1950. 585 p. (in Russian).

Engovatova A.V. Medieval city necropolises on the territory of the Dmitrov Kremlin. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief reports of the Institute of Archaeology)*. Moscow, Instituta arkheologii Publ., 2005, vol. 219, pp. 148–158 (in Russian).

Gerbershtein S. *Zapiski o Moskovii (Notes on Muscovite Affairs)*. Saint-Petersburg, Tipografiya Bezobrazova i kompanii Publ., 1866. 229 p. (in Russian).

Iaganov A.V., Ruzaeva E.I. *Uspenskii sobor v Dmitrove (Assumption Cathedral in Dmitrov)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2003. 301 p. (in Russian).

Iaganov A.V. On the periodization of the spatial planning structure of the Cathedral of the Chudov Monastery of 1501–1503. *Arkheologiya Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archeology of the Moscow region: Materials of a scientific seminar)*. Moscow, Instituta arkheologii Publ., 2021, vol. 17, pp. 263–273 (in Russian).

Il'in M.A. Assumption Cathedral in Dmitrov. *Materialy po istorii russkogo iskusstva. Iskusstvo XVI veka (Materials on the history of Russian art. The art of the 16th century)*. Moscow, 1 Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1928, vol. 1, pp. 8–10 (in Russian).

Khokhlova S.P. Assumption Cathedral of the city of Dmitrov (on the question of Italian influences in Old Russian architecture of the first third of the 16th century). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 2009, no. 50, pp. 137–158 (in Russian).

Leonid, arkhimandrit. A historical sketch of the city of Dmitrov in connection with the history of its cathedral church and monasteries of its region before the 18th century. *Chteniia v obshchestve ljubitelei dukhovnogo prosveshcheniia (Lectures in the Society of Lovers of Spiritual Enlightenment)*. Moscow, 1878, no. 4, pp. 17–29 (in Russian).

Milonov N.P. Dmitrov hillfort (Kremlin of the city of Dmitrov). *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Archaeology)*, Moscow, Leningrad, 1937, no. 4, pp. 147–168 (in Russian).

Piatiletova I.V. *Dmitrovskii Uspenskii kafedral'nyi sobor: istoriia i sviatyni (Dmitrov Assumption Cathedral: history and shrines)*. Dmitrov, Uspenskii kafedral'nyi sobor Publ., 2017. 647 p. (in Russian).

Pod'iapol'skii S.S. Italian construction masters in Russia at late 15th – early 16th century according to written sources (experience in compiling a dictionary). *Restavratsiia i arkhitekturnaia arkheologiya. Novye materialy i issledovaniia (Restoration and architectural archaeology. New materials and research)*. Moscow, VNIITAG Publ., 1991, vol. 1, pp. 218–233 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 4, chast' 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' (The Complete collection of Russian Chronicles, vol. 4, part 1). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 728 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 6. Sofijskie letopisi (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 6). Saint Petersburg, E. Prats Publ., 1853. 364 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 6, chast' 1. Sofijskaya pervaya letopis' starshogo izvoda (The Complete collection of Russian Chronicles, vol. 6, part 1). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001, 312 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 7. Letopis' po Voskresenskomu spisku (The Complete collection of Russian Chronicles, vol. 7). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001, 360 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 15. Rogozhskii letipisets. Tverskoi sbornik (The Complete collection of Russian Chronicles, vol. 15). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 432 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 24. Tipogrfskaya letopis' (The Complete collection of Russian Chronicles, vol. 24). Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 282 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 39. Sofijskaya pervaya letopis' po spisku I.N. Tsarskogo (The Complete collection of Russian Chronicles, vol. 39). Moscow, Nauka Publ., 1994, 208 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 41. Letopisets Pereslavlya Suzdalskogo (The Complete collection of Russian Chronicles, vol. 41). Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1995, 184 p. (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 42. Novgorodskaya Karamzinskaya letopis' (The Complete collection of Russian Chronicles), vol. 42. Sankt-Peterburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, 224 p. (in Russian).

Popov G.V. From the history of the oldest monument of the city of Dmitrov. *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia kul'tura domongol'skoi Rusi (Old Russian art. The artistic culture of pre-Mongol Russia)*. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 198–216 (in Russian).

Popov G.V. *Moskovskie khudozhniki v Dmitrovskom kniazhestve. Konets XIV – pervaiia tret' XVI veka (Moscow artists in the Dmitrov Principality. Late 14th – the first third of the 16th century)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2007. 237 p. (in Russian).

Ryndina A.V. Historical and artistic significance of the tiles of the Assumption Cathedral in Dmitrov. *Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaia kul'tura Moskvy i prilozhashchikh k nei kniazhestv XIV–XVI vekov (Old Russian art. The artistic culture of Moscow and the adjacent principalities of the 14th–16th centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 461–472 (in Russian).

Solov'ev K.A. The history and architecture of the Assumption Cathedral of the city of Dmitrov: the problem of construction dating. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: Istoriia i politicheskie nauki (Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences)*, 2020, no. 1, pp. 115–126 (in Russian).

Sorokaty V.M. Deesis of the beginning of the XV century from the Assumption Cathedral in Dmitrov. *Drevnerusskoe iskusstvo XIV–XV vekov (Old Russian art of the 14th–15th centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 243–252 (in Russian).

Tikhomirov M.N. *Gorod Dmitrov ot osnovaniia goroda do poloviny XIX veka. [Trudy Muzeia Dmitrovskogo kraia. Vypusk II] (The city of Dmitrov from the foundation of the city to the half of the 19th century. [Proceedings of the Dmitrov Krai Museum. Issue 2])*. Dmitrov: Dmitrovskogo otdeleniia Soiuza rabotnikov prosveshcheniia Publ., 1925. 81 p. (in Russian).

Voronets M., Voronov V. Tiled Crucifixes of the Assumption Cathedral in Dmitrov. *Sbornik statei v chest' grafini Uvarovoi (Collection of articles in honor of Countess Uvarova)*. Moscow, Tovarischestvo skoropechatni Levenson Publ., 1916, pp. 87–97 (in Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яганов Андрей Викторович — научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292. yagav@yandex.ru
 Рузаева Екатерина Ивановна — младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация, 117292. ruzaeva-ei@mail.ru

AUTHORS

Yaganov, Andrey Viktorovich — research assistant Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation. yagav@yandex.ru
 Ruzayeva Ekaterina Ivanovna — junior research assistant Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation. ruzaeva-ei@mail.ru